

© Е.Г. БРУНОВА

egbrunova@mail.ru

УДК 81'27

ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ И ЧИСЛО В МИФОПОЭТИКЕ СОВЕТСКОГО ДИСКУРСА

АННОТАЦИЯ. В статье представлены результаты лингвокультурного и когнитивного анализа языковой модели мира в советском дискурсе: особенности восприятия пространства, времени и числа.

ABSTRACT. The paper deals with the linguocultural and cognitive analysis of the language world-mapping in the Soviet discourse: the perception of space, time, and number.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Языковая модель мира, метафора, советский дискурс, пространство, время, число.

KEY WORDS. Language world-mapping, metaphor, Soviet discourse, space, time, number.

Целью нашего исследования является лингвокультурный анализ мифопоэтических элементов в языковой модели мира на материале дискурса советской эпохи. Традиционно мифопоэтическое мышление связывают с древним обществом, донаучной эпохой, а не с реалиями новейшей истории. В то же время мы склонны полагать, что элементы мифопоэтического мышления, характерные для древних обществ, не исчезают безвозвратно, а продолжают существовать в языковой модели мира. Кроме того, сегодня, когда минуло 20 лет после окончания советской эпохи, мы можем попытаться взглянуть на ее дискурс извне, в историческом контексте подобно тому, как мы изучаем язык и культуру древних цивилизаций, с той же отстраненностью и с тем же уважением к исследуемому материалу.

Основные особенности мифопоэтического мышления были выявлены на основе изучения культуры древних обществ и соответствующих текстов, обычаев и ритуалов. В своей предыдущей статье [1] мы рассмотрели такие мифопоэтические элементы в советском дискурсе, как вера в миф, образность мышления и бинарный код, обеспечивающий целостность модели мира. В данной статье мы рассмотрим особенности восприятия пространства, времени и числа, важнейших конструктов языковой модели мира.

Одним из неотъемлемых элементов космогонии является имянаречение, ср., например: Бог сказал так: «Да будет свет». И свет настал. Бог увидел, что это хорошо, и он отделил свет от тьмы. И назвал этот свет днем, а эту тьму — ночью. [Бытие, 1; 4-5]. Древнейшие ритуалы имянаречения являются освоением мира через слово, а деятельность жреца, шамана или поэта в таких ритуалах

осознается как переход от небытия к бытию, из хаоса в космос. Тем самым «язык, слово, имя как бы вторично творят мир в самих себе, обезвреживают его от всего опасного и деструктивного, переводят его из царства природы в сферу культуры, делают незнаковое (и внезнаковое) знаковым <...> и по идее сакрализованном» [2; 125]. Советский дискурс, особенно в первые десятилетия Советской власти, характеризуется масштабными экспериментами с именами собственными: личными именами, топонимами, наименованиями организаций и учреждений и т.д.

Стремление увековечить свою веру в коммунистические идеалы лежало в основе наречения новыми именами новых граждан нового государства. Некоторые личные имена послереволюционных лет звучат сейчас как исторический парадокс из-за их неблагозвучия, например, Персострат (< Первый советский стратостат); Даздраперма (< Да здравствует первое мая), Тракторина, Ноябрьрина. Если такие имена и давались детям, то впоследствии, вырастая, люди их меняли на другие, ср. актриса Нонна (Ноябрьрина) Мордюкова. Другие новосочиненные имена звучали вполне благозвучно, однако не получили широкого распространения, например, Вектор (< Великий коммунизм торжествует); Велиор (< Великая Октябрьская революция); Вилен, Виль (< В. И. Ленин); Ким (< Коммунистический Интернационал молодежи); Ленар, Ленера (< Ленинская армия); Марлен (< Маркс, Ленин); Мэлор (Маркс, Энгельс, Ленин, Октябрьская революция); Рэм (< Революция, Энгельс, Маркс); Эрлен (< Эра Ленина). Эти имена сохранились в дискурсе как имена и отчества известных личностей советской и постсоветской эпохи, (писатель Виль Липатов, режиссер Марлен Хуциев, журналист-международник Мэлор Стуруа, предприниматель Рэм Вяхирев, химик Эрлен Вакк). Третья категория имен достаточно распространена до сих пор, хотя в сознании постсоветского общества уже не ассоциируется с советской эпохой, ср. Нинель (< Ленин, в обратном прочтении); Владлен, Владилен (< Владимир Ленин).

Новые имена давались не только новым людям, но и новым городам и поселкам, ср. Ленинск-Кузнецкий, город в Кемеровской области, основан в 1925 году. Однако еще более широкие масштабы приобрело беспрецедентное переименование существующих пространственных объектов. На территории бывшей Российской империи оказались города с названиями, «неполиткорректными» для новой власти, в частности, названные в честь членов императорской семьи или ассоциируемые с ними: Петроград (ныне Санкт-Петербург), Екатеринбург, Екатеринослав (ныне Днепропетровск), Екатеринодар (ныне Краснодар), Новониколаевск (ныне Новосибирск), Царицын (ныне Волгоград). Но устранением этих идеологически не приемлемых топонимов дело не ограничилось. Массовое переименование населенных пунктов с политически нейтральными названиями в честь «новых святых» проводилось особенно активно в 1920-1940 гг. Примеры увековечения имен В.И. Ульянова-Ленина и И.В. Сталина в названиях городов по материалам «Словаря современных географических названий» [3] представлены в табл. 1.

Таблица 1

Города, названные в честь В.И. Ульянова-Ленина и И.В. Сталина

Название города	Период	Название до переименования	Название в настоящее время
Ленинград	1924-1992 гг.	г. Петроград	г. Санкт-Петербург (Россия)
Ленинабад	1936-1991гг.	г. Худжанд	г. Худжанд (Таджикистан)
Ленинакан	1924-1991гг.	г. Гюмри	г. Гюмри (Армения)
Лениногорск	1955 - наст. время	с. Новая Письмянка	г. Лениногорск (Россия, Татарстан)
Лениногорск	1941-2002 гг.	г. Риддер	г. Риддер (Казахстан)
Ленинск	1919 г. — наст. время	с. Пришиб	г. Ленинск (Россия, Волгоградская обл.)
Ленинск	1918-1929 гг.	г. Талдом	г. Талдом (Россия, Московская обл.)
Ленинск	1922-1991 гг.	г. Асака	г. Асака (Узбекистан)
Ленинск	1966-1992 гг.	пос. Байконур	г. Байконур (Казахстан)
Ленинск	1924-1927 гг.	г. Чарджуй (Чарджоу)	г. Туркменабад (Туркмения)
Ленинск-Кузнецкий	1925 г. — наст. время	с. Кольчугино	г. Ленинск-Кузнецкий (Россия, Кемеровская обл.)
Ульяновск	1936 г. — наст. время	г. Симбирск	г. Ульяновск (Россия)
Сталинград	1925-1961 гг.	г. Царицын	г. Волгоград (Россия)
Сталинабад	1929-1961 гг.	г. Душанбе	г. Душанбе (Таджикистан)
Сталинири	1934-1961 гг.	г. Цхинвал	г. Цхинвал (Южная Осетия)
Сталино	1924-1961 гг.	г. Юзовка	г. Донецк (Украина)
Сталиногорск	1934-1961 гг.	с. Бобрики	г. Новомосковск (Россия, Тульская обл.)

Сталиниси	1931-1934 гг.	г. Хашури	г. Хашури (Грузия)
Орашул-Сталин	1950-1960 гг.	г. Брашова	г. Брашова (Румыния)
Сталиногород	1953-1960 гг.	г. Катовице	г. Катовице (Польша)
Сталинварош	1951-1961 гг.	г. Дунайварош	г. Дунайварош (Венгрия)

Как видно из приведенных примеров, имя В.И. Ленина присваивалось городам, расположенным в различных географических частях СССР, в основном после смерти вождя в 1924 году.

Имя И.В. Сталина присваивалось чаще всего, при его жизни, наибольшее число переименований городов на территории СССР приходится на период 1924-1934 гг. Второй всплеск переименований в честь И.В. Сталина приходится на 1950-е гг. и касается уже городов, находящихся вне СССР, но в его ближайшем дружественном окружении, т.е. в странах социалистического лагеря. Всем объектам, названным в честь И.В. Сталина, были возвращены прежние названия, в основном в 1960-1961 гг., после XX-го съезда КПСС, осудившего культ личности Сталина. Некоторые объекты, названные в честь В.И. Ульянова-Ленина, продолжают сохранять свои названия до сих пор. Увековечивались в названиях переименованных городов и «новые святые» пониже рангом: С.М. Киров (г. Киров, Россия), А.А. Жданов (г. Жданов, Украина, ныне — г. Мариуполь), Я.М. Свердлов (г. Свердловск, Россия, ныне — г. Екатеринбург), К.Е. Ворошилов (г. Ворошиловград, Украина, ныне — г. Луганск) и другие.

Не менее грандиозные переименования происходили и в более мелких единицах пространства. Переименовывались деревни, улицы и площади, имена вождей присваивались предприятиям, учебным и культурным заведениям, станциям метрополитена и т.п., ср.: У нас, коммунистов, хорошая память / На все, что творится на свете;/ Напрасно убийца надеяться станет / За давностью быть не в ответе... / И сами еще мы здоровья стойкого,/ И в школу идут по утрам наши дети / По улице Кирова, улице Войкова, / По улице Сакко - Ванцетти. (К. Симонов. Улица Сакко и Ванцетти)

Рассмотрим процесс массового переименования улиц на примере г. Тюмени. Топонимика Тюмени XIX в. формировалась по принципу «Бог или благодетель». Улицы, названные в честь храмов (Архангельская, Всехсвятская, Знаменская, Ильинская, Никольская, Спасская, Успенская), в 1922 г., т.е. практически сразу после окончания гражданской войны, были переименованы в честь «новых святых» или новых вех в истории, соответственно Урицкого, Свердлова, Володарского, 25-го Октября, Луначарского, Ленина, Хохрякова. Улицы Тюмени, названные в честь купцов-меценатов (Воиновская, Подаруевская, Жернаковская, Трусовская, Серебряковская, Ядрышниковская) тогда же получили названия соответственно улицы Кирова, Семакова, Трудовая, Перекопская, Советская, Оловянникова [4; 7].

Таким образом, происходила масштабная смена пространственных ориентиров как на карте страны, так и на карте города. Феномен массовых переименований, произведенных в определенный исторический момент, не только сам является

порождением того или иного мифа, но и может служить источником новых мифов и даже недоразумений. Приведем несколько примеров. Во время Великой Отечественной войны г. Ленинград подвергся длительной блокаде, повлекшей за собой огромные жертвы. Правильно ли говорить о блокаде г. Санкт-Петербурга, как сейчас называется этот город? Нет. Это была Ленинградская блокада, но современным жителям и гостям города нужны по этому поводу соответствующие пояснения. Аналогичная ситуация складывается с г. Волгоградом и Сталинградской битвой. Исторические события зафиксировали название города на момент данного события. Пример из микротопонимики: название улицы 25-го Октября в г. Тюмени вызывает немало недоразумений. Эту улицу иногда ошибочно называют «25 лет Октября» по аналогии с другой улицей города: «50 лет Октября», расположенной неподалеку. Такие ошибки говорят о непонимании современными жителями происхождения названия — улица была названа в честь даты Октябрьского переворота (25 октября 1917 г. по старому стилю). Тот факт, что годовщина этого события отмечается не в октябре, а в ноябре, и не двадцать пятого, а седьмого числа, только способствует путанице.

Мифопоэтические представления о пространстве занимают промежуточное положение между чувственным восприятием пространства и его научным познанием. Эвклидово пространство, например, характеризуется тремя основными атрибутами: протяженностью, бесконечностью и однородностью. Однако восприятие не знает бесконечности, так как оно ограничено способностями органов чувств. Однородность пространства является особенностью его структуры, а не восприятия, видимое и осязаемое пространство принципиально неоднородно, одни части его качественно отличаются от других. Определенным местам (храм, дворец, дом и т.п.) издавна человек придавал особую значимость, в них видится сакральный центр, в котором человек чувствовал себя максимально защищенным, а по мере удаления от такого центра человека ожидает враждебная периферия [5]. Мифопоэтическое время воспринимается в тесной связи с пространством и также делится на сакральное и мирское. В течение ритуала человек ощущает себя «не в хронологическом времени, а в первоначальной эпохе, когда события произошли впервые» [6; 26; см. также 7 и 8]. Если учесть, что ритуализованные действия, когда время течет по-особому, происходят в особых (сакральных) местах, то можно утверждать, что пространство и время представляются не расчлененными, а слитыми в единое образование — хронотоп [9], см. также [10].

Хронотоп советской эпохи имеет четко обозначенную точку отсчета в пространстве (московский Кремль) и во времени (1917 г.). Марксизм-ленинизм, подобно религиозному учению, провозгласил сотворение нового мира, об этом поется в «Интернационале», государственном гимне РСФСР с 1918 г. по 1922 г., а впоследствии и гимне Советского Союза с 1922 г. по 1944 г., ср.: *Весь мир насилья мы разрушим / До основания, а затем / Мы наш, мы новый мир построим — / Кто был ничем, тот станет всем!* (Э. Потье. Интернационал. Пер. с французского А.Я. Коц.)

Сакральным центром страны и мира считался московский Кремль, ср.: *Начинается земля, / как известно, от Кремля. / За морем, за сушею — / коммунистов слушают. / Те, кто работают, / слушают с охотою. / А буржуям этот голос / подымает дыбом волос.* (В. Маяковский. Прочти и катай в Париж и Китай). *С добрым утром, милый город, / Сердце родины моей!* (В. Лебедев-

Кумач. Москва майская) Ну как метро? Молчи, в себе таи, / Не спрашивай, как набухают почки, / И вы, часов кремлевские бои,— / Язык пространства, сжатого до точки... (О. Мандельштам. Воронежские стихи)

Культурная неоднородность пространства обеспечивалась созданием са-крального центра с особой символикой. У стены московского Кремля расположен Мавзолей Ленина, с трибуны которого вожди партии и государства приветствовали народ на демонстрациях и парадах. Этот глобальный центр тиражировался в памятниках Ленину по всей стране. В большинстве крупных и мелких городов главная улица носила имя Ленина. Центром города считался чаще всего район, примыкавший к обкому / горкому / райкому партии с памятником Ленину, именно там проходили демонстрации и парады, таким образом, через ритуал поддерживалась целостность картины мира и определенного порядка в обществе.

Что касается периферии, то наиболее враждебными представлялись капиталистические страны, ср. капиталистическое окружение, ср. также: И мы учились читать газеты / С двенадцати лет, с девяти, с восьми / И знали: пять шестых планеты / Капитализм, а шестая — мы. (Б. Слуцкий. Я помню квартиры наши холодные...) Мир неделим на черных, смуглых, желтых, / А лишь на красных — нас, и белых - их. / На белых — тех, что, если приглядеться, / Их вид на всех материках знаком, / На белых — тех, как мы их помним с детства, / В том самом смысле. Больше ни в каком. / На белых — тех, что в Африке ль, в Европе / Мы, красные, в пороховом дыму / В последний раз прорвем на Перекопе / И сбросим в море с берега в Крыму! (К. Симонов. Красное и белое).

Менее враждебными, но и не вполне своими, представлялись социалистические страны.

Внутреннее пространство страны также выглядело неоднородно. Огромные необжитые территории стремились освоить, покорить и укротить, ср. освоение Севера / целины, покорение / укрощение рек и т.п., ср. также: Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, / Преодолеть пространство и простор! / Нам разум дал стальные руки-крылья, / А вместо сердца — пламенный мотор. (П. Герман. Авиамарш) Наш паровоз, вперед лети, / В Коммуне остановка. (Наш паровоз. Первоначальный текст написан комсомольцами Киевских ж.д. мастерских)

Штамп советской пропаганды изобилуют пространственными метафорами: строительство социализма / коммунизма, горизонты коммунизма, столбовая дорога социализма, солнечные дали коммунизма, следовать ленинским курсом, светлый путь коммунизма, гигантские шаги пятилетки, перестройка, прораб перестройки и т.п. Ср. также лозунги: Верной дорогой идете, товарищи!; Все дороги ведут к социализму.

Деятели партии и государства назывались выдающимися; лучшие рабочие назывались передовиками производства, на партийную работу выдвигались (ср. также выдвиженцы, выдвиженчество); граждане делились на выездных (кому разрешался выезд за границу) и невыездных; города — на открытые и закрытые (въезд в которые был возможен только по специальному разрешению); все должны были придерживаться генеральной линии партии; колеблющихся обрабатывали, а особенно упорных — перековывали; призывали стремиться к новым рубежам коммунистического созидания.

Советский строй именовал себя передовым, и это находило свое отражение в использовании соответствующей пространственной лексики для именования новых реалий. Слова «прогресс», «авангард», «вперед» широко использовались в названиях колхозов, магазинов, гостиниц, кинотеатров, советских газет и журналов, ср. колхозы «Вперед» и «Авангард» в Курганской области [12; 74], магазин «Прогресс» Тюмени. Кроме того, Авангардами называли мальчиков, рожденных в 1920-1930-х гг. [12; 21].

Слова «запад» и «восток» получили в советском дискурсе новое семантическое наполнение. Запад ассоциировался с *чужими*, с враждебным миром, так назывались «страны Западной Европы и Америки (в противопоставление странам социалистического содружества)» [12; 147]. Слово «восток» для маркирования *своих* используется не так интенсивно. Тем не менее в советской топонимике слово «восток» встречается часто, ср. например, одноименное название космического корабля. Гостиницы с названием «Восток» есть в Москве, Тюмени, Красноярске, Воронеже, Днепропетровске и многих других городах бывшего СССР, но гостиниц с названием «Запад» не существует. Название «Западная» встречается среди названий гостиниц в Ростове-на-Дону, Тюмени и некоторых других городах, но здесь название отражает расположение в западной части города, да и сами гостиницы с таким названием возникли уже в постсоветское время.

Вполне созвучными древним представлениям о сакральном верхе представляются такие советские штампы, как высокое доверие, высоты коммунизма, ср. также: Все выше, и выше, и выше / Стремим мы полет наших птиц (П. Герман. Авиамарш)

Наряду с патетическими высотами советский дискурс породил и такое слово, как «вышка» (высшая мера наказания, расстрел) [12; 84], ср.: Всего лишь час дают на артобстрел. / Всего лишь час пехоте передышки. Всего лишь час до самых главных дел: / Кому — до ордена, ну, а кому — до «вышки». (В. Высоцкий. Штрафные батальоны)

Противопоставление старого и нового мира не могло не затронуть представлений о времени. Сакральное время, от которого начинается отсчет новой эпохи — это события октября 1917 г., ср.: День седьмого ноября — / Красный день календаря. / Погляди в свое окно: / Все на улице красно. (С. Маршак. Круглый год. Ноябрь). Подобно тому, как новое летоисчисление (наша эра) начинается с Рождества Христова, история советской страны и нового социалистического мира начинает отсчитываться заново от 1917 г (ср. дореволюционный, послереволюционный).

Иллюстрацией восприятия старого и нового времени может служить стихотворение В. Маяковского «Киев». Начинается оно весьма уютно, по-домашнему: Лапы елок, лапки, лапушки... / Все в снегу, а теплые какие! / Будто в гости к старой, старой бабушке / я вчера приехал в Киев. А заканчивается достаточно агрессивно: Здравствуй и прощай, седая бабушка! / Уходи с пути! скорее! ну-ка! / Умирай, старуха, спекулянтка, набожка. / Мы идем — ватага юных внуков! (В. Маяковский. Киев)

Старая бабушка — это старая Россия (Российская империя и Киевская Русь). Время ее жизни с властью собственников (спекулянтка) и православия (набожка) провозглашается законченным, и лирический герой призывает не

мешать жителям нового времени (ватага юных внуков). В этом стихотворении отразилась и еще одна идея, характерная для 1920-х гг. — призыв к отказу от семьи. Эта идея хотя и не просуществовала долго, и позднее семья была объявлена ячейкой социалистического общества, так или иначе возникала в советской пропаганде: родители и другие простые смертные члены семьи должны были знать свое место по отношению к вневременным предкам, ср. дедушка Ленин, Родина-мать, Сталин — отец народов. Семейей стала называться сама страна, ср. братская семья советских народов.

Календарь дореволюционной России приобрел новые вехи: если раньше какие-то события люди планировали к Рождеству, после Пасхи и т.п., то теперь это стали делать к майским праздникам (1 мая — День Международной солидарности трудящихся) или к ноябрю (7 ноября — годовщина Великой Октябрьской революции). Сакральность определенных дат подчеркивалась героическими свершениями, которые стремились приурочить к ним — запуск космического корабля, пуск завода, сельскохозяйственные работы и т.п.

Если пространство стремились покорить, преодолеть, то время хотели ускорить, а план выполнить досрочно, ср. лозунги Время, вперед! ; Пятилетку — в четыре года! Пятидневку — в четыре дня, ср. также ускорение как один из постулатов реформ М.С. Горбачева (наряду с перестройкой и гласностью).

Советская метафорика пространства и времени соединялась в метафорике движения. Новое значение приобрело слово «встречный», теперь так называли не только ветер или поезд, но и план: «встречный — принимаемый ... в качестве трудовой инициативы (о плане, обязательстве, более высоком, чем задания пятилетки)» [12; 80]. Советский народ призывали догнать и перегнать идеологических противников, ср.: Вашу быстроногую, знаменитую Америку / Мы догоним и перегоним. (В. Маяковский. Американцы удивляются) Художественная метафора В. Маяковского становится лозунгом у Н.С. Хрущева: Догнать и перегнать Америку!

Обобщим результаты исследования хронотопа коммунистической пропаганды в виде таблицы 2.

Таблица 2

Хронотоп коммунистической пропаганды

Свои	Чужие
Мы	Они
Новый мир	Старый мир
Восток	Запад
Будущее	Прошлое
Рост, развитие	Гниение, смерть
Прогресс, авангард	Реакция
Созидатель	Разрушитель
Юность	Старость

Что касается восприятия числа, то мифопоэтическое мышление видит его не как место в ряду последовательности, а как сакральную сущность, имеющую свою классификационную значимость. В.Н. Топоров отмечает, что «в архаичных традициях числа могли использоваться в ситуациях, которым придавалось сакральное, «космизирующее» значение. Тем самым числа становились образом мира (*imago mundi*) и отсюда — средством для его периодического восстановления в циклической системе развития, для преодоления деструктивных хаотических тенденций» [2; 227].

Для советского дискурса характерно осуждение единичного и индивидуального и прославление коллективного, осуждались крестьяне-единоличники, ср. также: Я — последняя буква алфавита. В. Маяковский противопоставляет единице партию, как сплоченное множество, ср.: Единица — вздор, единица — ноль, / один — даже если очень важный — / не подымет простое пятивершковое бревно, / тем более дом пятиэтажный. (В. Маяковский. Владимир Ильич Ленин)

Впрочем, отрицательная символика единицы снимается в ритуальной формуле, восходящей к средневековым традициям: Один за всех, все за одного, ср. Внедрять в повседневный обиход масс правило: «один за всех, и все за одного» (В.И. Ленин). Распространенными штампами становятся слова «единство» и «единодушный», ср. монолитное единство партии, единодушное одобрение всего советского народа.

Слово «первый» приобретает ряд новых положительных коннотаций, ср. Первомай, первое лицо предприятия, первостроитель, первоцелинник.

Из чисел первого десятка положительная символика характерна и для пятерки. Пятерка — это высшая оценка в советской школе и почетный пятиугольник (Государственный знак качества в форме пятиугольника). Пятилеткой называется пятилетний план в экономике с централизованным планированием. Во время первой пятилетки 1928-1932 гг. третий ее год получил отдельное название — третий решающий. Во время девятой пятилетки 1971-1975 гг. названия были присвоены всем годам пятилетки: первый начинающий, второй продолжающий, третий решающий, четвертый определяющий и пятый завершающий. С цифрой три связывается символика власти, ср. тройка (комиссия из трех человек, выносившая приговоры вместо суда в период 1918-1934 гг.), треугольник (о руководителях предприятия: директор, парторг и профорг) [12; 429-430].

Своеобразными символическими вехами становились номера партийных съездов и комсомольских конференций, годовщины Октябрьской революции и юбилеи коммунистических вождей. В микропонимике фиксируются не только имена, но даты и годовщины, т.е. числа, ср. ул. 1905 года в Москве, ул. 50 лет Октября и ул. 50 лет ВЛКСМ в Тюмени, ул. 22-го партсъезда в Екатеринбурге, ул. 20-го партсъезда в Омске, Липецке и Донецке.

Как показало наше исследование таких важнейших конструкторов языковой модели мира, как пространство, время и число, коммунистическая пропаганда обращалась к древнейшим архетипам человеческого сознания и делала это весьма успешно, пока значительная часть общества сохраняла веру в коммунистические идеалы. Новаторство в области имянаречения используется для утверждения новой веры и отмежевания от старых традиций. Хро-

нотоп коммунистической пропаганды представляет собой многоуровневый семантический код, в основе которого лежит система пространственных оппозиций, четко разделенных на сакрализуемых *своих* и демонизируемых *чужих*. Время воспринимается конкретно, в глубоком взаимодействии с пространством, дата Октябрьской революции 1917 г. провозглашается моментом сотворения нового мира. Большая часть чисел первого десятка получает новое пропагандистское наполнение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брунова Е.Г. Мифопоэтика коммунистической пропаганды: лингвокультурный и когнитивный анализ // Политическая лингвистика. 2011. №2 (36). С. 24-30.
2. Топоров В.Н. О категории притяжательности // Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1: Теория и некоторые частные ее приложения. М.: Языки славянской культуры, 2004.
3. Словарь современных географических названий / Под ред. В. М. Котлякова. Электронное издание. Екатеринбург: У-Фактория, 2006.
4. Петрушин А.А. Тюмень без секретов, или Как пройти на улицу Павлика Морозова. Тюмень: Мандрика, 2011. 320 с.
5. Брунова Е.Г. Пространственные отношения в архаичной языковой модели мира (лексико-этимологическое и лингвокультурологическое исследование). Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2007. 174 с.
6. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Инвест-ППП, 2000. 222 с.
7. Арутюнова Н.Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 51-61.
8. Чупрына О.Г. Представления о времени в древнем языке и сознании. М.: Прометей, 2000. 150 с.
9. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 502 с.
10. Брунова Е.Г. Пространство, время и число в древнеанглийском заговоре // Филологические науки. 2005. №2. С. 59-67.
11. Eliade, M. Images et symboles: Essais sur le symbolisme magico-religieux Paris, 1979. 238 p.
12. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. М.: АСТ, 2005. 505 с.